

РУССКАЯ ИДЕЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Р.ДАШКОВОЙ

Возраст русской идеи есть возраст самой России.
И.А.Ильин

*Русская идея — основная проблема
русской теоретической мысли и публицистики.*
Н.А.Бердяев

Русская идея интегрирует историко-философские, культурологические, этнические, языковые проблемы, касающиеся России и русского народа, государственности России, ее прошлого, настоящего и будущего. Интеграция эта носит объективный характер: история России немислима в отрыве от русского народа, его общей и языковой культуры, как немислимо возникновение и развитие русского народа, его национального характера вне исторической судьбы России. В этом суть русской идеи, отправная точка ее рассмотрения. И рассматриваются не просто «Россия» и не просто «русский народ» или русский язык, но смысл существования России в мире, ее историческая судьба, миссия и роль в неразрывном единстве с судьбой всех народов России.

Деятельность Российской Академии началась с работ над первым словарем русского литературного языка. Он должен был не только способствовать интеграции России в европейскую цивилизацию, но, главным образом, противостоять ложной ориентации Западной Европы в отношении России как страны невежественной, с низким уровнем национальной культуры. Роль Е.Р.Дашковой в решении этой сложнейшей задачи переоценить невозможно.

Хотелось бы вспомнить бессмертные слова Е.Р.Дашковой из ее «Доклада Екатерине II об учреждении Российской Академии» (август 1783 г.): «Никогда не были столько нужны для других народов обогащение и чистота языка, сколь стали оные необходимы для нас. Несмотря на настоящее богатство, красоту и силу языка российского, нам нужны новые слова, вразумительное и сильное оных употребление... на вечные времена, с тою же силою, как они в сердцах наших...»¹.

Судя по ряду высказываний Дашковой и логике ее филологических усилий, под «новыми словами» она имела в виду обогащение русской родной речи не иностранными заимствованиями, а введением в речевой оборот, письменный и устный, слов и выражений, извлекаемых из доселе неведомых глубин отечественного языка. Гипотетически, но не без оснований (см., в частности, «Письмо к издателю “Русского вестника”», где Дашкова высказывает весьма симптоматическое суждение о некоторых «русских писателях, любящих свое Отечество и знающих цену, пленительную нежность, богатство и силу в выражениях

¹ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения. Письма. Документы. —СПб., 2001. С. 287.

прародительского [подчеркнуто нами. — В.Г.] нашего языка»²), отметим, что Дашкова узрела неправомерность иностранных языковых заимствований в силу корневых, принципиальных отличий России от Запада, тех трех отличий, которые четко выявил уже в XIX веке И.В.Киреевский (римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность). Все это было «совершенно чуждо древней России»³.

Во всяком случае, не может быть сомнений в понимании глубинной органической связи филологии и социокультурных, историко-политических, духовно-исторических оснований. Последние и детерминируют языковую специфику стран и народов, в том числе России и русского народа.

Как ни вспомнить Н.А.Бердяева, который определял русскую идею как основную проблему теоретической мысли и публицистики. «Русская мысль, — писал он в «Русской идее», — русские искания XX века свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа»⁴. И.А.Ильин, солидаризируясь, по сути, с Бердяевым, подчеркнул в статье «О русской идее», что она «не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России»⁵. В этой же статье Ильин определяет главное в русской идее: она выражает «русское историческое своеобразие» и в то же время — «русское историческое призвание, а также... указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...». Русская идея, по Ильину, — это «творческая идея России»⁶.

Обращение к русской идее XVIII в. важно не только с позиции сегодняшнего дня. Проблема эта — не конъюнктурна. Она магистральна и многоаспектна для общественно-философской мысли России, ее истории и культуры. Она и ретроспективна, и злободневна (актуальна в наше время), и перспективна⁷.

* * *

Конкретизируя и структурируя проблему русской идеи в свете отечественного философского наследия, мы выделим в ней две стороны: общечеловеческую (условный термин) и специфически национальную.

Первая сторона определяет место России в системе мировых цивилизаций, смысл ее существования в мировой истории, духовно-историческую миссию и связанную с ней ее судьбу. Вспомним В.С.Соловьева. В докладе «Русская идея» (1888 г.) ключевой момент его концепции, который Соловьев квалифицирует как «самый важный из всех для русского человека вопрос», формулируется так: «Я имею в виду вопрос о смысле существования России во всемирной истории», об «исторической миссии» России, о ее «национальной совести, которая сумеет найти достоверные выражения для истинной русской идеи»⁸.

Таким образом, уже здесь выражен общечеловеческий смысл русской идеи и неприятие ею национального самолюбования, этноцентризма, казенного патриотизма. «... Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»⁹. С этой точки зрения, полагает Соловь-

² Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 226.

³ Киреевский И.В. Избранные статьи. — М., 1984. С. 200—201.

⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. — М., 1990. С. 266.

⁵ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов. Т. 1. — М., 1992. С. 331.

⁶ Там же. С. 322.

⁷ Заметим, что суть и содержание русской идеи (не будем жестоко «привязываться» к терминологии) не следует, с философско-исторической точки зрения, сводить к русскости. Другое дело, что о русскости следует писать и говорить как об одном из важнейших аспектов в трактовке проблемы русской идеи и в связи с трагическим положением сегодня русского этноса (демографический вопрос и кризис национального сознания).

⁸ Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х томах. Т. 2. — М., 1989. С. 227.

⁹ Там же. С. 220.

ев, «очевидно, что ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества»¹⁰.

В этой связи подчеркнем, что вопрос о духовной всемирно-исторической роли России, характере ее взаимоотношений с другими народами для проблемы русской идеи является важнейшим, ибо судьба России, ход ее духовно-исторического развития, начиная с эпохи Киевской Руси, во многом определялись отношениями с Востоком и Западом, особенно с Западом. Мы это ощущаем, изучая и XVIII в. Данный аспект не только имеет политико-практический характер, он наполнен и теоретико-мировоззренческим содержанием. Речь идет о таком сложном и противоречивом феномене отечественной историософии, как «русский мессианизм».

Россия, на наш взгляд, исторически не избежала мессианских иллюзий. Мессианское сознание в той или иной степени на разных этапах российской истории вплеталось в национальное сознание и самосознание русского народа, его культуру, а следовательно, и содержание русской идеи не свободно от него. Здесь необходим дифференцированный подход¹¹: а) на определенном этапе истории России (конец XV — середина XVI века), особенно в связи с возникновением теории «Москва — третий Рим», имело место отождествление русской идеи с религиозным мессианизмом, взгляд на русскую нацию как на единственный в мире «народ-Богоносец», претендующий на вселенскую православно-христианскую спасительную роль (позднее славянофильство наиболее ярко воплотило этот соблазн); б) несмотря на присутствие религиозного мессианизма в составе русской идеи, религиозный мессианизм постепенно вытеснялся историческим миссионизмом, т.е. доминантным для русской идеи становилось концептуальное положение о реальной специфической роли миссии России в мировой истории¹², которая [т.е. роль. — В.Г.] варьировалась на различных ее этапах¹³.

Многие отечественные мыслители глубоко верили и убедительно доказывали промыслительный вклад России, русского православия, в целом российской культуры не просто в развитие человечества, но и в его духовно-нравственное спасение¹⁴.

¹⁰ Там же.

¹¹ Историософский анализ позволяет заключить, что в отечественной философской мысли сложились различные мнения о связи мессианизма с русской идеей. Относительно полярными можно считать воззрения Н.А.Бердяева и Е.Н.Трубецкого. По Бердяеву, главной отличительной чертой русской идеи является религиозный мессианизм. Не случайно одна из крупных работ Бердяева «Русская идея» буквально пронизана мессианскими мотивами. Проблема мессианизма обстоятельно рассматривается и в книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». Е.Н.Трубецкой, резко критикуя сторонников мессианизма в контексте проблемы русской идеи (особенно Н.А.Бердяева и С.Н.Булгакова), считал наиболее ярким выразителем русского мессианизма А.С.Хомякова, не забыв о мессианских иллюзиях и Ф.М.Достоевского (См.: Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм. Русская идея. — М., 1992.)

¹² См., в частности: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991. С. 11.

¹³ Так, Г.П.Федотов в статье «Национальное и вселенское», трактуя суть вселенского идеала православия, берет под сомнение даже сам термин «мессианство», заменяя его словом «миссия». «Обретенная, воскрешенная Россия, — утверждает он, — будет светить миру... даже через закопченные стекла наших фонарей; но не спасение мира, а служение своему призванию, не «мессианство», а миссия, путь творческого покаяния, трудовой трезвости... — вот путь России, наш общий путь». (О России и русской философской культуре... С. 449).

¹⁴ И.А.Ильин писал: «Под русской мессианской идеей я разумею идею о том, что русский дух выше всех остальных национальных духов и что Россия призвана духовно и религиозно спасти другие народы». Но тот же Ильин далее особо подчеркнул: «Мы, русские, не можем и не должны принимать от Запада настроения национальной гордыни, духовного империализма и религиозного шовинизма» (Ильин И.А. О национальном призвании России // Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. — М., 2000. С. 403).

* * *

Обратимся к другой, второй, стороне русской идеи, которую мы выше назвали «специфически национальной». Речь пойдет о сугубо внутреннем аспекте в содержании русской идеи, который неразрывно связан с ее, так сказать, внешней стороной. Строго говоря, обе стороны — единое целое феномена «русская идея», их разделение весьма условно и относительно. Достаточно отметить, что смысл существования России в мире, ее судьба, духовно-историческая миссия представляли и представляют «загадку России» как для нее самой, для «русского национального самосознания», так и для других народов, прежде всего для народов Западной Европы и Америки¹⁵.

Исторический смысл, судьбу и призвание России в целом¹⁶ не разгадать, не обратившись к внутренней стороне в содержании русской идеи — национальному характеру русского народа, к его самобытности, культуре, национально-религиозному чувству его сердца. Не случайно И.А.Ильин, поставив фундаментальный, критериальный вопрос: в чем сущность русской идеи? — ответил на него так: «русская идея есть идея сердца», любящего свою родину сердца, и в этом «главная сила России и русской самобытности»¹⁷.

Весьма созвучны сказанному идеи и чувства Е.Р.Дашковой, переполнявшие ее внутренний мир задолго до Ильина. «Я уверена, — пишет Дашкова в «Записках тетюшке», — что любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель». В другом месте («О истинном благополучии») Дашкова развивает мысль об этой добродетели: «О вы, кои верховною властью возводите на вышние чинов степени и коим вверяется жребий человеков; обращая мысленные взоры ваши на важность вашего долга, любите добродетель; с сею любовью сопрягается любовь к Отечеству вашему; с сею любовью сопряжено точное исполнение вашей к обществу обязанности»¹⁸. И, как бы заглядывая в будущее и еще полнее и органичнее сопрягаясь с Ильиным и другими мыслителями XX века, Дашкова акцентирует внимание воспитателей юношества на том, что «правила чести есть закон, коему подчиняются все степени и состояния; когда, не обременяя их память излишними предписаниями, впечатляешь в нежные сердца их любовь к правде и к Отечеству...»¹⁹.

Эта тема прозвучала в письме в редакцию «Новых ежемесячных сочинений» в 1792 г.: «...Да будут русские русскими, а не подражателями дурного подлинника; да будем всегда патриотами; да сохраним нрав праотцов наших, которые всегда были непоколебимы в вере христианской..., и да возлюбим Россию и русских паче чужестранцев!»²⁰.

В трудах отечественных мыслителей XVIII—XX веков о «русской идее» мы находим яркие обращения к русскому народу, его национальному характеру и роли в истории России, судьбе других ее народов. Точнее говоря, многое в отечественном философском наследии посвящено обоснованию общности всех

¹⁵ «Россия непохожа на другие страны», — писал И.А.Ильин и затем констатировал: «Запад нас не знает, но особенности наши признает; в чем эти особенности, не знает, в нашей истории и в нашей культуре не разбирается, но о нас, о России, о ее народе, о его судьбе — судит, рассуждает; и за нас и без нас решает (Ильин И.А. О национальном призвании России.... С. 368). Мысли Ильина воспринимаются, как будто они возникли не в 1940 году (первая реакция), а сегодня или вчера.

¹⁶ В «Русской идее» Бердяев обосновал три уникальные черты русской истории: прерывистость, мучительность, потенциальность. Без учета этих черт не приблизиться к разгадке исторической тайны России, глубинной сути русской идеи. Об этих чертах, в определенном смысле, писали Н.О.Лосский («Характер русского народа»), Г.П.Федотов («Национальное и вселенское»), И.А.Ильин («Наши задачи»).

¹⁷ Ильин И.А. Наши задачи... С. 323.

¹⁸ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 131–132.

¹⁹ Там же. С. 125.

²⁰ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 48.

народов России при сохранении социально-этнической и религиозной доминанты русского народа. Мы ограничимся лишь некоторыми акцентами. Так, И.А.Ильин, характеризуя три «бремени России» («бремя земли», «бремя природы», «бремя народности»), которые «ни один народ в мире не имел», особое внимание обращает на суть третьего «бремени» (в России огромное количество различных племен и наречий, треть населения — неславяне, а шестая часть его имеет нехристианское вероисповедание)²¹. «Мы должны были, — писал Ильин, — принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инословную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»²².

Русский народ — главный субъект русской идеи, а это означает, что именно ему промыслительно отведена доминирующая роль в создании, становлении, укреплении России как одной из великих держав мира. И в этом нет умаления других народов России, но есть определенная ходом истории объективная роль каждого из них и, конечно же, общность исторической судьбы. Чтобы лучше понять место и роль русского народа в судьбе России, «схватить» его своеобразие как главного субъекта русской идеи, воспроизведем некоторые особо значимые, акцентированные высказывания других русских мыслителей. Они не однозначны в аксиологическом плане, но различные характерологические оценки, объясняют, на наш взгляд, многое в нашей истории и нашей государственности, не исключая и современный ее период. Например, Ильин, Достоевский («Пушкин») и ряд других философов склонялись к позитивным оценкам русского народа. Более диалектично высказывались другие отечественные исследователи-философы²³.

Бердяев называет русский народ «в высшей степени поляризованным народом; он есть совмещение противоположностей». Конкретизируя свою обобщенную оценку, Бердяев называет противоположности (полярность)²⁴ в «природе русского человека»: с одной стороны, это смирение, отречение, с другой, — бунт, требующий справедливости; сострадательность, жалостливость — возможность жестокости; любовь к свободе — склонность к рабству; искание Бога и воинствующее безбожие. В русском человеке могут совмещаться смирение и наглость, рабство и мятеж²⁵.

Многостороннему исследованию русского народа посвятил ряд трудов один из крупнейших русских мыслителей Н.О.Лосский (1870—1965)²⁶. Завершая некоторые высказывания о русском народе, кратко воспроизведем суждения Г.П.Федотова (1886—1951). «...Мы стоим опять, — писал мыслитель, — солидаризируясь с Чаадаевым, Бердяевым и другими русскими философами, — как и сто лет назад, перед загадкой России, властно требующей своего разрешения...»²⁷. Эту «загадку» и «ключ» к ней Федотов

²¹ Ильин И.А. О России. — М., 1991. С. 12.

²² Там же. С. 12—13.

²³ Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1990. С. 10.

²⁴ Бердяев Н.А. Русская идея... С. 43—44.

²⁵ Там же. С. 44—45, 269.

²⁶ Его книга «Характер русского народа», возможно, наиболее многопланова с точки зрения аналитического охвата многих качеств русского народа, а также в силу обобщения автором суждений о русском народе целого ряда русских философов. Русский человек, замечает Лосский, «часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок и раскаивается в этом». Обосновываются Лосским и такие качества русского народа, как свободолюбие, доброта, даровитость, но вместе с тем и недостаток общей культуры, нигилизм, хулиганство, жестокость (Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. — М., 1991. С. 257, 274—281, 289—292, 304—320, 331—333, 338—352, 296—303).

²⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. — СПб., 1991. С. 59—60.

искал в ментальности, духовном складе русского народа и в религиозном смысле русской идеи. Тайны русского духа открывались ему опосредованно: через постижение жизни русских праведников, мучеников и святых, в судьбах которых можно было увидеть тайну русского народа в целом, его национальную идею и нравственный идеал. «Верим, — утверждал философ, — что каждый народ имеет свое собственное духовное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями»²⁸. Русь, по Федотову, не погибла в многочисленных своих столкновениях, смутах, войнах благодаря устойчивым духовно-нравственным ориентирам в самосознании народа. Эти ориентиры, в частности, сочувствие к невинно страдающим и страждущим, дух милосердия и стремление пожертвовать своими личными благами «во имя други своя» были укоренены в русском народе благодаря русским святым²⁹.

Заметим, что значительно позднее Федотова к аналогичным, в принципе, выводам пришел современный приверженец евразийского направления в русской философии Л.Н.Гумилев (1912—1992). Он квалифицировал святых Древней Руси как пассионариев, благодаря которым Русь смогла выйти из инерционной стадии своего развития, выдержать столкновения с различными этносами и плавно перейти от угасающего древнеславянского этноса к великорусскому, сохранив единые культурные, духовно-нравственные ценности и ориентиры³⁰.

* * *

Рассмотрим кратко определенное отражение некоторых концептуальных аспектов проблемы русской идеи в эпоху Просвещения (XVIII век). Этот период ознаменовался новыми национальными философскими и социокультурными исканиями и достижениями вопреки господствовавшему многие годы мнению о XVIII веке как эпохе полного «пленения» России западной культурой и почти полного отсутствия национально-культурных достижений, тем более философских, связанных с проблемой русской идеи. В поисках ее отзвука в творческом наследии представителей эпохи «просвещенного абсолютизма» мы не будем вторгаться, из-за недостатка места, в труды М.В.Ломоносова, Г.С.Сковороды, А.Н.Радищева, А.Д.Кантемира, В.Н.Татищева, М.М.Щербатова, Феофана Прокоповича и других мыслителей XVIII века. Особо скажем о Екатерине Романовне Дашковой (1743—1810).

Сегодня о личности «великой россиянки» наличествует специальная литература, к которой мы и отсылаем читателя³¹. Мы лишь частично попытаемся высветить ее связь с проблемой русской идеи, имея в виду трактовку последней, представленную выше³².

²⁸ Федотов Георгий. Святые Древней Руси. — М., 1990. С. 27.

²⁹ Там же. С. 46—50.

³⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. — М., 1989. С. 216—217.

³¹ Тычина Л.В. Великая Россиянка. — М., 2002; Е.Р.Дашкова: портрет в контексте истории. — М., 2004; Е.Р.Дашкова: личность и эпоха. — М., 2003; Е.Р.Дашкова и ее современники. — М., 2002; Е.Р.Дашкова и российское общество XVIII столетия. — М., 2001; Е.Р.Дашкова и А.С.Пушкин в истории России. — М., 2000; Е.Р.Дашкова и ее время. — М., 1999; Россия и мир — вчера, сегодня, завтра. Вып. 1. — М., 1997. С. 5—20; Вып. 2. — М., 1997. С. 5—28; Вып. 3. — М., 1998. С. 6—26; Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. — СПб., 1996; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. Изд. 2-ое. — М., 1983; Семенова А.В. Дашковское общество: история создания, перспективы деятельности // Е.Р.Дашкова и ее время... С. 32—34.

³² Особое значение в исследовательском плане имеют работы: Дашкова Екатерина. Записки 1743—1810. — Л., 1985. С. 3—209; Герцен А.И. Книгиня Екатерина Романовна Дашкова // Там же. С. 210—258; Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. — М., 1990; Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»...

Анализ ряда трудов о Е.Р.Дашковой привел нас к выводу о том, что современные исследования относительно замкнуты на XVIII веке. Пока еще недостает масштабного «выведения» этой личности, ее многогранного творчества за рамки XVIII столетия. Естественно, сказанное ни в малейшей степени не означает умаления историографической, культурологической ценности уже осуществленных исследований. Их переоценить просто невозможно. Ведь еще примерно десятилетие тому назад XVIII век и российская культура в целом освещалась (это кажется сейчас невероятным) либо вообще без упоминания этого имени, либо историография ограничивалась всего лишь поверхностными эпизодическими статьями. Между тем, вклад Дашковой в российскую культуру огромен и, более того, объективно «работает» не только на эпоху Просвещения, но и на всю российскую культуру в целом. Именно здесь, на наш взгляд, заключен исходный мотив дальнейшего развития дашковедения. И не только мотив, но и логико-методологический подход: следует обратить внимание исследователей, во-первых, на проблему реализации дашковских идей в истории российской культуры; во-вторых, на объективное проникновение личности и творчества Дашковой в социокультурную жизнь России в XIX–XX веках; в-третьих, на место и роль Е.Р.Дашковой в развитии духовной культуры современной России начала XXI века.

Сказанное не означает, что вообще отсутствуют «выходы» ряда исследований творчества Дашковой за границы XVIII века. Не претендуя на полный охват вопроса, укажем, в частности, на аналитические материалы, посвященные выявлению творческого соприкосновения Е.Р.Дашковой и А.С.Пушкина³³, Е.Р.Дашковой и Л.Н.Толстого³⁴, значительный интерес представляет анализ проекций в российскую культуру дашковских идей в области филологии³⁵, науки и образования³⁶, а также закономерностей политической жизни российского общества³⁷. Однако, мы имеем в виду более масштабные и перспективные исследования. Естественно, они потребуют значительного времени и немалых сил дашковедов и не только дашковедов, но и гуманитариев разных профилей (культурологов, философов, историков) по исследованию проникновения наследия Е.Р.Дашковой в культуру России XIX–XX веков. Мы же ставим весьма скромную задачу: в контексте предлагаемой методологии кратко осветить некоторые аспекты связи дашковского наследия и некоторых содержательных граней проблемы русской идеи. Мы попытаемся на ряде примеров показать объективную по характеру связь и, подчас, совпадение некоторых дашковских творческих деяний с отдельными гранями проблемы русской идеи. Если в Средние века на Руси имели место «вспышки» русской идеи, то тем более реально и рельефно мы можем обнаружить их в XVIII веке. Таким

³³ См.: *Чельшев Е.П.* От Екатерины Романовны и Константина Романовича до наших дней // Е.Р.Дашкова и ее время... С. 15–17; статьи: А.Л.Гришунина, Л.Г.Агамалян, А.В.Коренькова, А.Э.Еремеева, И.А.Котельникова, И.М.Моргуновой и др. // Е.Р.Дашкова и А.С. Пушкин в истории России...

³⁴ *Чельшев Е.П.* От Екатерины Романовны... С. 8–9.

³⁵ Е.Р.Дашкова и ее время... С. 15, 16, 17, 20; там же о Е.Р.Дашковой как основоположнице основ развития гуманитарных наук в России (С. 23, 24, 29, 30).

³⁶ *Тычинина Л.В.* Великая Россиянка... С. 129–167.

³⁷ *Тычинина Л.В.* Великая Россиянка... С. 91–128. В книге Л.В.Тычининной имеются прямые выходы в современность, т.е. далеко за пределы XVIII века; в частности, когда речь идет о так называемых противоречиях между приверженностью Дашковой к идеям свободы и просвещения и практической организационно-хозяйственной деятельностью (С. 57–58); подвергается критике ученый XIX века М.И.Сухомлинов (С. 62); критикуются историки XIX и XX веков за необоснованно-отрицательную оценку педагогических способностей Е.Р.Дашковой (С. 47–48); предлагаются ссылки на современных исследователей, касающихся отношений Дашковой со своим сыном (С. 43). Можно подобные примеры продолжить, особенно в связи с анализом роли Е.Р.Дашковой в политической жизни российского общества, ее деятельности в сфере науки и образования. Определенные «выходы» за пределы XVIII в. имеются в выступлениях А.В.Семенов, в статьях Г.И.Смагиной.

образом, многими аспектами своей творческой деятельности Дашкова, на наш взгляд, вписывается в русскую идею, о чем мы далее и поведем речь в кратком варианте.

Заметим, что, так сказать, бытие русской идеи, как правило, должно характеризоваться двояко: во-первых, русская идея воплощается в общественном сознании, закрепляясь в политико-юридических документах и теоретических концепциях; во-вторых, она не может, так или иначе, в различной степени не персонифицироваться, т.е. бытовать в индивидуальном сознании граждан Отечества. Все основные вышеназванные параметры русской идеи преломляются в сознании членов общества. Если ее принимает большинство населения (речь идет о прогрессивной национальной идее, выражающей объективные потребности развития нации), то национальная идея обладает мощной консолидирующей функцией. В истории различных стран, в том числе в истории России, было немало примеров сплочения народа или народов вокруг прогрессивной национальной идеи, инициировавшей волну патриотизма. Как правило, они увенчивались важными, судьбоносными положительными результатами. Свяжем эту мысль с принципом реализации творческих потенциалов личности, степени их масштабности и специфичности (вспомним Н.А.Бердяева — в творческом мышлении просматривается характер личности, ее интеллектуальный диапазон). О Е.Р.Дашковой А.И.Герцен писал: «... Энергичная Дашкова, говорившая о своей собственной славе, с ее умом, с ее огнем,...» была постоянно «неугомонна, неукротима, деятельна, всем занимающаяся, всем интересующаяся»³⁸. «Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!»³⁹.

Обратимся лишь к отдельным аспектам русской идеи, занимавшей ум Дашковой и ее сердце (напомним слова Ильина: «Русская идея — это идея любящего сердца»)⁴⁰. Мы ограничимся, памятуя предложенную выше структуру русской идеи, кратким рассмотрением ее внешних и внутренних сторон в контексте литературного и публицистического наследия Е.Р.Дашковой.

Вначале о внешней стороне, т.е. о том, в частности, как Дашкова решала вопрос о характере взаимоотношений России и Западной Европы. Англофильские симпатии Дашковой достаточно исследованы в вышеупомянутой литературе. Англофильство Дашковой отмечал и Дидро. «Она так любит англичан, что я боюсь, — пишет Дидро, — за ее пристрастие к этому антимонархическому народу в ущерб моей собственной нации»⁴¹.

Однако, тот же Дидро, давая Дашковой весьма лестные оценки (серьезный характер, свободное владение французским, сила и убедительность аргументов, ненависть к деспотизму и тирании и другие положительные качества), подчеркивает весьма важную для оценки россиянки черту: «Княгиня Дашкова — русская душой и телом...», она «знает нужды своего Отечества»⁴². Еще одна деталь русофильского характера Дашковой, которая, побеседовав с другим крупнейшим мыслителем Европы — Вольтером, катается по Женевскому озеру, прикрепив к корме судна русский флаг, распевает русские песни и обучает им своих швейцарских друзей⁴³.

³⁸ Герцен А.И. Княжна Екатерина Романовна Дашкова... С. 235, 236.

³⁹ Там же. С. 258.

⁴⁰ Повторим, что мы далеки от попыток даже минимального охвата творческой деятельности Дашковой. Прикоснемся лишь к тому, что, на наш взгляд, пока не развернуто в литературе о Дашковой — к вопросу о реализации некоторых ее идей в XIX–XX веках, причем, прежде всего, в контексте проблемы русской идеи. Мы, естественно, не будем раскрывать содержание данной проблемы, имеется в виду только гипотетическая постановка возможной методологии ее рассмотрения.

⁴¹ Цит. по: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий... С. 45.

⁴² Там же. С. 44, 45.

⁴³ Там же. С. 52–53.

Вообще, встречи Дашковой с Дидро и Вольтером требуют, на наш взгляд, специфической аксеологии: для Европы XVIII века, воспринимавшей Россию снисходительно и высокомерно, и для России, преклоненной перед культурой Европы, плененной ею, — дашковское европейское турне следует оценивать без преувеличений как «взрывную волну» в общественном сознании Европы и России, как «выстрел в темной ночи». Возник редчайший вариант взаимодействия культур: в лице грандиозной личности Дашковой Европа открыла для себя новую культурно расцветавшую Россию, Россия же опосредованно, через Дашкову, получила мощный канал восприятия европейской культуры. И еще. Успешная деятельность самой Дашковой на поприще российской науки и просвещения обусловлена ее европейской образованностью и усвоенной ею европейской культурой. Именно на таком аспекте справедливо акцентирует внимание современных почитателей Е.Р.Дашковой Л.В.Тычинина в своей книге «Великая Россиянка»⁴⁴.

Добавим к этому, что в свете культурологической атмосферы эпохи Просвещения в России XVIII века выглядит поразительным, так сказать, «интеллектуальный удар», нанесенный представительницей «варварской» страны не просто по общественности Западной Европы, но по таким ее вершинам, как Дидро и Вольтер. Еще важнее и значительнее для великой россиянки и ее Отечества явилось такое восприятие культуры Запада, которое сохранило, не стерло в душе, сердце и уме великой русской женщины ощущение самобытности Отечества, его возможности догнать опередившую Россию Европу. Вся многогранная деятельность Дашковой во главе двух Академий была направлена именно на это, что убедительно показано в современной литературе о Е.Р.Дашковой⁴⁵.

В связи со сказанным, напрашивается «мостик» в XIX век. Вспомним славянофилов А.С.Хомякова и И.В.Киреевского. А.С.Хомяков называл Европу «страной святых чудес», И.В.Киреевский издавал, правда, недолго (из-за противодействия Николая I) журнал «Европеец», посредством которого знакомил россиян с культурой Европы. Славянофилы лучше западников знали западноевропейскую культуру, особенно философию. Они, как и Е.Р.Дашкова, не просто понимали необходимость для России усвоения достижений западноевропейской культуры, но при этом сохраняли глубокую веру в Россию, ее культурологическое возрождение, ее самобытность. Нам представляется возможным, в принципе, сопоставить, найдя нечто общее, патриотизм старших славянофилов (А.С.Хомякова, И.В.Киреевского, К.С.Аксакова, Ю.Ф.Самарина) и патриотизм Е.Р.Дашковой. Ее патриотизм (а без него немислима русская идея), как это выглядит, на наш взгляд, через призму ее наследия, оценок А.И.Герцена и трудов современных исследователей, характеризовался, как минимум, тремя основными чертами: во-первых, убежденностью в процветании России под эгидой «просвещенного абсолютизма», во-вторых, верой в обусловленность эффективного служения Отечеству научной образованностью и широкоохватной просвещенностью русских идей, в-третьих, соблюдением церковных законов и религиозностью как нравственным регулятором поведения человека. «По взглядам Е.Р.Дашковой, — отмечает в своей книге Л.В.Тычинина, — воспитание патриотизма неразрывно связано с формированием у всех членов общества гражданственности» на основе «познания всеобщих правил, предписанных нам законами церковными и гражданскими»⁴⁶.

⁴⁴ Тычинина Л.В. Великая Россиянка... С. 9, 52–54.

⁴⁵ Там же. С. 12–18, 19–22, 84, 129–166; см. также: Е.Р.Дашкова и российское общество XVIII столетия... С. 10–39, 154–167, 208–210; Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы... С. 64, 105, 118 и др. Естественно, сама Е.Р.Дашкова обо всем этом пишет в своих «Записках», сочинениях, документах. Мы не делаем прямых извлечений из них, т.к. это сделано в указанной литературе.

⁴⁶ Тычинина Л.В. Великая Россиянка... С. 81, 82.

Если из названных трех черт патриотизма Е.Р.Дашковой мы скорректируем первую⁴⁷, то совпадение сути патриотизма Дашковой и славянофилов будет очевидным. Столь же допустимым является принципиальное совпадение патриотических чувств и воззрений о месте и роли России и Запада в судьбах человечества Е.Р.Дашковой и В.Ф.Одоевского (1803–1869) («Общество любомудров», образованное в 1823 г.). Мы имеем в виду, например, идею Одоевского о том, что будущее принадлежит так называемым отставшим, «свежим» народам, к числу которых относятся и славянские народы, в частности, русские⁴⁸. Нечто подобное относительно славы России (по смыслу, будущей славы) подразумевает академик Я.К.Грот в публикации «Княгиня Дашкова»: «Занимая высокое положение в обществе, Дашкова... умела ценить истинные заслуги и отдавала должное таланту, знаниям и трудам для блага и славы России»⁴⁹.

Общее во взглядах на будущее России мы можем также обнаружить, сопоставляя «Записки» и другие сочинения Е.Р.Дашковой и работу И.В.Киреевского «Девятнадцатый век»⁵⁰.

Отмеченные нами совпадения — лишь некоторые примеры «выхода» творческой деятельности Е.Р.Дашковой в XIX век. Умножить их и дополнить «выходом» в XX век мы не имеем возможности в силу рамок статьи. Укажем лишь на один, весьма существенный, прецедент: концепция патриотизма И.А.Ильина (1883–1954) созвучна по ряду параметров патриотическим воззрениям Е.Р.Дашковой⁵¹.

Теперь кратко обоснуем соприкосновение внутренней стороны русской идеи (не забудем о взаимосвязи обеих сторон) с творческим вкладом Е.Р.Дашковой в российскую культуру и в целом — в духовно-социальный уклад российского общества не только XVIII века, но и последующих веков. Прежде всего, отметим относительную независимость Е.Р.Дашковой от власти и общества. В своих «Записках» Е.Р.Дашкова подчеркивала, что «свободная от укоров совесть может дать достаточно сил, чтобы твердостью духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения»⁵².

Е.Р.Дашкова считала, что независимость человека от общества заключается в высшем значении для личности ее собственной самооценки. Именно ум и совесть человека, как полагала Дашкова, является для него высшим судьей, а не мнение окружения, подчас далекого от нравственных принципов и духовных ориентаций⁵³. Видимо, в этих мировоззренческих позициях Е.Р.Дашковой и следует искать корни ее концепции воспитания. Переоценить воззрения Дашковой невозможно не только для эпохи Просвещения XVIII века, но и для последующего духовно-нравственного развития русского народа. Естественная для того времени ориентация Дашковой на русское дворянство и абсолютизм Екатерины II не умаляют места и роли дашковских воззрений по проблеме воспитания. В них, на наш взгляд, заключены и определенные «стыковки» с внутренней стороной проблемы русской идеи, и ее персонификация в творчестве Дашковой.

Для подтверждения сошлемся на некоторые положения работы Е.Р.Дашковой «О смысле слова “воспитание”». В этой статье Дашкова показывает пороки воспитания того времени, связанные с чрезвычайным увлечением всем иностранным и потерей национального. Подобно М.В.Ломоносову и

⁴⁷ Славянофилы были сторонниками монархии, но ограниченной, в частности, сословным земским собором.

⁴⁸ Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л., 1975. С. 147–149.

⁴⁹ Грот Я.К. Княгиня Дашкова (цит. по кн.: Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитания» ... С. 373; здесь Я.К.Грот приводит свидетельство М.И.Сухомлинова).

⁵⁰ См., в частности: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. — М., 1997. С. 78–80.

⁵¹ Ильин И.А. Наши задачи... Т. 1.

⁵² Тычинина Л.В. Великая Россиянка... С. 55.

⁵³ Там же.

Н.И.Новикову она стремилась к распространению просвещения на национальной основе, осуждая дворян за обычай приглашать в свои семьи иностранцев-воспитателей⁵⁴. Главная цель воспитания, по Дашковой, состояла в том, чтобы «вкоренить в доброе сердце» воспитанием любовь к правде и Отечеству, «омерзение к эгоизму»⁵⁵.

Весьма важен и один из центральных тезисов ее концепции воспитания — «единственным источником благополучия человека является добродетель, т.е. то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям, полезным нам самим, близким нашим и обществу»⁵⁶. Здесь же подчеркиваются и нравственные качества человека: воспитанный человек должен быть «справедлив, честен, человеколюбив, благоразумен, великодушен, смирен, благодетелен, умерен, кроток, терпелив и снисходителен»⁵⁷.

Обратимся теперь к некоторым, но весьма существенным духовно-нравственным воззрениям и убеждениям Е.Р.Дашковой. Приведем отдельные «истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий». Этой посылкой Дашкова предваряет (выделяя и нумеруя) целый ряд истин, которые предлагает напечатать, обращаясь к издателям «Новых ежемесячных сочинений». Вот некоторые из этих истин, сформулированные Дашковой: «Бог дал человеку разум понимать и различать добро от худого и предвидеть следствия одного и другого. Бог нам дал и наставления, первые в десяти заповедях, которые он сам предписал Моисею, потом через сошествие на землю едиnorodного Сына своего, который примерами своими, а потом евангельским поучением дал нам наставления. Почему и должно десять заповедей наизусть знать, помнить оные как правила святые, по которым поступать должно; а в чтении Евангелия получаем неоцененное познание основания христианской веры и почерпать можем примеры терпения, человеколюбия и снисхождения». К этим истинам Дашкова прибавляет третью, суть которой в том, что «Бог дал и власть человеку направлять свои поступки или деяния по собственному выбору его ума: следственно человек сам и отвечает Богу и людям в делах своих...».

Характерно, что из десяти истин, сформулированных Дашковой, пять посвящены христианской вере. В последних двух (9-ой и 10-ой) Дашкова особо обращает внимание соотечественников на необходимость «вечного признания и благодарности ... всещедрому Богу», «одарившему нас разумною душою...». И «подобно любящему и милосердному отцу, Бог за щедрость свою к нам не желает от нас возмездия себе», а ожидает только от нас «наилучшего употребления своих дарований...»⁵⁸.

Родственные мысли, идеи и убеждения высказывала Е.Р.Дашкова и в сочиненной ею «Молитве»⁵⁹, и в «Письме к сыну»⁶⁰, и в своем «Духовном завещании»⁶¹.

В заключение приведем обобщающее высказывание Е.Р.Дашковой, в котором формулируется ряд положений русской идеи и которое не оставляет сомнений в опережении Дашковой «своего» века и органического вхождения ее творческого наследия в отечественную культуру России, в русскую идею.

⁵⁴ Смагина Г.И. Е.Р.Дашкова. «О смысле слова “воспитание”» // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы... С. 105.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же; см. также: Смагина Г.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету // Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 9–91.

⁵⁸ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 217–219.

⁵⁹ Там же. С. 227.

⁶⁰ Там же. С. 245.

⁶¹ Там же. С. 360.

В работе Е.Р.Дашковой «Записки тетушки» мы читаем ее своеобразный духовно-нравственный, патриотический завет нам, живущим в начале XXI века: «Прощаясь с вами, скажу последние мои для вас желания и последние просьбы вам мои предлагаю.

Любите друг друга. Не отступайте от истины и справедливости... Открыты вам пути к просвещению и правде; и познайте, что если мы не самый счастливейший народ вселенной, в том только самим себе укорять долженствуем. Почему любовь к Отечеству должна в вас быть неограниченна и служение оному ревностной и приятной обязанностью для вас. Прощайте оскорбляющим вас так, как я вам прощала: ибо в огорчениях, коим вы меня по молодости своей осуждали, не личное восчувствование, но относительное к вам самим во мне действовало и огорчало меня; болела о врождающихся в вас несправедливостях и тревожилась о следствиях мне от того представляющихся... Будьте снисходительны в заключениях и решениях своих о людях. Не унывайте в бедствиях, а в счастии надменностию не заражайтесь. Впрочем, знайте, что добро, как худо, все преходчиво и переменно в свете; почему наслаждайтесь настоящим с твердым упованием, что добродетель поздно или рано без награждения не остается»⁶².

Считаем возможным резюмировать: даже некоторые приведенные концептуальные положения Е.Р.Дашковой реально и объективно «работают» не только на XVIII век. На наш взгляд, они в определенной мере вторгаются в XIX—XX века, в проблему русской идеи, которая имманентно заключает в своем внутреннем содержании антропологический рефрен в плане духовно-нравственного развития русского народа. Мы явственно видим относительную и своеобразную «переключку» концепции воспитания Е.Р.Дашковой, ее трактовку духовности, патриотизма и смысла жизни с религиозной антропологией А.С.Хомякова⁶³ и П.Я.Чаадаева⁶⁴, с нравственным учением о добре В.С.Соловьева⁶⁵, с некоторыми антропологическими воззрениями К.Н.Леонтьева⁶⁶, с рядом религиозно-этических взглядов Н.А.Бердяева⁶⁷, с некоторыми концептуальными построениями о смысле жизни Е.Н.Трубецкого⁶⁸ и С.Л.Франка⁶⁹, с сутью теории воспитания И.А.Ильина⁷⁰.

Конкретное обращение к трудам названных русских мыслителей, которое здесь мы осуществить не можем, явилось бы убедительным доказательством нашего исходного тезиса — творческая деятельность Е.Р.Дашковой ждет новых комплексных исследований о роли этой, без преувеличения, великой женщины России в истории и культуре нашего Отечества, в разработке русской идеи.

В.И.Гидиринский

⁶² Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»... С. 173.

⁶³ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. — Томск, 1996. С. 26, 30–31 и др.

⁶⁴ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Сочинения. — М., 1989. С. 139–140, 149–150.

⁶⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. — М., 1988. С. 47 и далее.

⁶⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. — М., 1996. С. 94–155.

⁶⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993. С. 54–84.

⁶⁸ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. — М., 1994. С. 5–64.

⁶⁹ Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. — М., 1992. С. 147–205.

⁷⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. — М., 1993. С. 154–164, 178–232.